

Транспортные прокуроры своевременно реагируют на подобные факты. Так, со станции Кантемир была отправлена как порожняя цистерна, выгружавшаяся колхозом им. Жданова. Позднее было установлено, что приемосдатчик станции Б. приняла от представителя получателя цистерну, якобы выгруженную, однако ее не проверила и отправила как порожнюю. На станции Бензин Куйбышевской железной дороги обнаружили, что в цистерне находились остатки груза патоки в количестве 30 т [3]. По представлению прокурора Б. была привлечена руководителем станции к дисциплинарной ответственности.

Особое значение для сохранности грузов имеет подбор на материально ответственные должности и на работу, связанную с грузовыми операциями, лиц, заслуживающих доверия и ранее не судимых за корыстные преступления. Это требование не всегда выполняется. Так, 7 августа 1981 г. Одесским областным судом был осужден по ст. 86¹ УК УССР бывший заведующий контейнерным отделением станции Усатово Г. Как установлено, Г. был в 1973 г. судим по ч. 2 ст. 168 УК УССР, однако был принят на работу, связанную с хранением грузов. В марте 1981 г. он организовал преступную группу из семи человек, которая похитила три контейнера с товарами на сумму 42800 р. [4].

Следует согласиться с высказанным в литературе предложением о принятии срочных мер по созданию на стыках дорог и отделений пунктов коммерческого осмотра, что способствовало бы своевременному выявлению хищений грузов.

Список литературы: 1. *Лангев П. В.* Разоренные машины. — Соц. индустрия, 1982, 23 июля. 2. *Гудок*, 1981, 3 окт. 3. *Архив Ленинск. транспортной прокуратуры*, 1981, дело № 54-п. 4. *Архив Одесск. транспортной прокуратуры*, 1981, дело № 7/14.

Поступила в редколлегию 14.01.83.

В. Е. Коновалова, д-р юрид. наук, В. Д. Пчелкин

Харьков

СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ КАК ОСНОВА ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

Процесс расследования конкретного преступления подчинен тем версиям, для проверки которых осуществляется система следственных действий и оперативно-розыскных мер. Роль следственных версий в расследовании состоит в том, что они являются исходными положениями, определяющими направление в поиске истины. Именно поэтому авторы, исследующие проблему следственных версий, рассматривают их как основу, ядро, направляющее начало планирования, отмечая при этом, что расчленение версии и планирования на самостоятельные, отдельно существующие теории лишает теорию планирования исходных положений и низводит ее до уровня совокупности праг-

матических положений [1]. Таким образом, следственная версия как обоснованное предположение о событии либо его частностях неразрывно связана с планом расследования и обуславливает всю систему его построения и выполнения. Логика взаимосвязи версии и планирования прослеживается главным образом в том, что вся совокупность обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании, проистекает из тех следствий, которые выводятся из построенного предположения. Эти обстоятельства создают в случае их соответствия выведенным следствиям ту цепь доказательств, которая является основой расследования. Указанное положение в известной мере объясняет теоретическую основу единства следственной или криминалистической версии и планирования.

Версия в процессе расследования осуществляет познавательную функцию, с одной стороны содействуя аккумуляции данных, необходимых для ее выдвижения, с другой — логически развивая выдвинутое предположение системой выводимых из него допущений. В этом отношении версия представляет собой двуединый процесс — логическое развертывание мыслительной деятельности и действий, направленных на проверку результатов мышления.

Структура построения следственной версии, несмотря на достаточно простую логику ее развития, сложна для практического применения. Это обусловлено несколькими обстоятельствами: а) необходимостью анализа незначительного и нередко сложного материала (исходных данных); б) определением этапа возможного конструирования одной или нескольких версий; в) выдвижением версий по степени их сложности (объему) относительно события в целом, способов совершения, способов сокрытия лиц либо отдельных деталей, проверка которых позволит более точно и правильно сформулировать впоследствии версию общего характера; г) соотношением выдвинутых версий с типовыми версиями в целях проверки действительности последних и др. Все это относится к конструированию следственных версий при расследовании хищений государственного и общественного имущества, совершенных в различных формах.

Многообразие отраслей народного хозяйства, специфика производства, различные формы учета создают в каждом случае такой индивидуальный комплекс данных, связанных с обнаружением хищения, который требует глубокого и вдумчивого анализа, предшествующего выдвижению версий.

Планирование расследования хищений, совершенных путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, обладает рядом специфических черт, отличающих его от планирования при расследовании хищений путем кражи, грабежа, разбоя. Это отличие определяется не только характером совершенного преступления, способами его совершения и сокрытия, но и той следственной ситуацией, которая перво-

начально существует. Она достаточно специфична и несет в себе информацию различного характера. Так, для хищений, совершенных путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, наиболее типична ситуация, при которой признаки хищения обнаружены в результате проверок, ревизий, выявления неучтенной продукции, задержания с личным и т. п. При хищении путем кражи, грабежа или разбоя следственная ситуация характеризуется иным комплексом данных: наличием следов взлома, показаниями потерпевшего, в отношении которого предпринималось насилие, а также показаниями очевидцев.

Комплекс исходной информации в каждом случае хищения определяет и те первоначальные действия, которые проводятся для ее проверки и дополнения. Их виды и направленность определяются целями, которые они должны выполнить. Так, при хищении путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением к числу таких действий относятся: назначение ревизии [2], осмотр документов, производство допросов, проведение обысков у подозреваемых и т. п. При расследовании хищений путем кражи, грабежа, разбоя первоначальные следственные действия носят иной характер. Это осмотр места происшествия, допрос потерпевшего, допросы свидетелей, назначение криминалистических экспертиз и др. В этом случае при проведении указанных действий наиболее важна их координация с оперативно-розыскными мерами, направленными на отыскание необходимой информации.

Создание следственных ситуаций в результате взаимодействия ряда факторов преступного события, обнаруживающих свои признаки, оценивается и рассматривается неравнозначно. Так, исследуя понятие и содержание следственной ситуации, одни авторы относят к ней совокупность доказательств на определенном этапе расследования [1; 8, с. 58]. Другие же под следственной ситуацией понимают не только наличие определенного доказательственного материала, но и сведения оперативно-розыскного характера, подчеркивая взаимообусловленность такой информации. В литературе имеются высказывания, в которых следственная ситуация рассматривается с позиций неожиданности расследования как для лиц, оказавшихся причастными к хищениям, так и для тех подозреваемых, для которых такое расследование неожиданно. Эти ситуации обычно относят к началу расследования и рассматривают как наиболее типичные [7, с. 12]. Здесь в формулирование следственной ситуации привнесен момент знания или незнания лицами, подозреваемыми в совершении преступления, об обнаружении хищения. Представляется, что, несмотря на важность такого обстоятельства, оно не входит в совокупность доказательств, образующих следственную ситуацию на данном этапе. Другое дело, если бы следователь располагал показаниями такого

лица. Тогда эта информация вошла бы в следственную ситуацию как отражение фактических данных, обнаруженных на определенном этапе расследования.

Наиболее оптимально рассмотрение следственной ситуации при расследовании хищений государственного и общественного имущества с позиций наличия не просто информации, а информации, облеченной в процессуальную форму, — доказательств по делу. Именно это обстоятельство относит следственную ситуацию на период после возбуждения уголовного дела. До этого момента все данные, связанные с обнаружением хищения, создают просто ситуацию преступного события, а не следственную ситуацию. Это положение относится и к данным, получаемым в результате оперативно-розыскных действий, ибо эта информация не носит процессуального характера и использование ее в период после возбуждения уголовного дела дополняет первоначальную следственную ситуацию.

В литературе содержатся высказывания, характеризующие следственную ситуацию по признаку наличия информации о факте группового совершения преступного деяния и лицах, к нему причастных. Причем в зависимости от различных условий выделяется несколько ситуаций. Например, по признакам, указывающим на совершение преступления группой; при задержании одного лица из скрывшейся группы; при задержании всех, кто принимал участие в совершении преступлений; при установлении лиц, причастных к групповому преступлению, когда роль участия каждого из них в преступном действии неизвестна. Отметим, что выдвижение версий при расследовании хищений государственного и общественного имущества определяется той первоначальной следственной ситуацией, которая складывается после возбуждения уголовного дела. Она, как правило, несет в себе определенное число данных, которые можно оценивать с точки зрения их достаточности для конструирования следственной версии либо необходимости принятия ряда мер (проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) для их пополнения.

Очевидно, что конструирование следственных версий по делам о хищениях, совершенных путем кражи, грабежа, разбоя, обладает спецификой, состоящей в возможности их более раннего существования, что объясняется проведением такого следственного действия, как осмотр места происшествия, до возбуждения уголовного дела.

Следственные версии при расследовании хищений государственного и общественного имущества, совершенного должностными лицами, обычно классифицируются на общие и частные, где первые соотносятся с элементами состава преступления, а вторые касаются обстоятельств, носящих подчиненный характер. Наиболее общими по своему объему и назначению являются версии о событии преступления: имеет место хищение

либо недостача; каким способом (приемами) совершено хищение; круг субъектов, участвующих в хищении, роль каждого из них. Частные версии строятся относительно обстоятельств, подтверждающих и развивающих общую версию: выдвижение предположений о формах расчета между соучастниками, о местах сокрытия похищенного, о способах подделки документов и т. п.

Например, в случае обнаружения недостачи на предприятиях трикотажной промышленности версии конструируются по следующей схеме: а) общие версии — имеет место недостача или хищение; б) хищение связано с фальсификацией количественных и качественных показателей пряжи при ее приеме от поставщика либо совершается в результате изменения номенклатуры изготавливаемых изделий или путем изготовления неучтенной продукции из созданных на складе сырья излишков; в) лицами, совершающими хищения, являются ответственные за поставку пряжи — работники цехов трикотажной фабрики, изготавливающие изделия с заменой номенклатуры, работающие в торгующих предприятиях, через которых сбываются изделия, изготовленные из неучтенной продукции, работающие на складе сырья готовой продукции.

Частные версии в рассматриваемом случае будут конструироваться относительно тех обстоятельств преступления, которые отражают места возможного сбыта похищенного, способы его транспортирования, наличие списания пряжи на различные нужды, перевод пряжи в определенные сорта и т. п. Как отмечалось, конструирование следственных версий различного уровня зависит от исходной информации, а также от того объема знаний, которым обладает следователь относительно отрасли, в которой имело место хищение. В связи с этим обладание знаниями либо получение их происходит путем изучения специфики производства в процессе расследования либо в результате специализации следователей по отдельным категориям преступлений, в частности хищениям государственного и общественного имущества. Специализация следователя вовсе не исключает необходимости изучения всех особенностей производства, так как именно это позволит не только правильно выдвинуть версии относительно признаков хищения, но и обнаружить признаки, позволяющие вскрыть латентные хищения. При поверхностном изучении данных о хищении, как правило, латентные хищения остаются нераскрытыми и могут продолжаться еще значительный период времени. Полное же изучение производства позволяет обнаружить такие данные о хищении, которые в обычной ситуации (ревизия, обнаружение неучтенной продукции, заявления отдельных лиц) остаются невыявленными.

В процессе расследования большое значение принадлежит обобщенному опыту следственной деятельности, который позволяет сформулировать определенную сумму наиболее типичных

следственных ситуаций и соответственно типичных, или типовых, следственных версий. Обобщение практики всегда играло значительную роль для выдвижения в теории криминалистики новых научных положений. Однако до последнего времени такого рода положения характеризовались высокой степенью абстракции и их применение в практической деятельности требовало дополнительных рекомендаций и разработок. В частности, это относилось к научным постулатам планирования, содержащим концептуальные положения о логике развития версии, принципах планирования, его технике и т. п.

В последнее время результаты обобщения практики позволили конкретизировать определенные положения, сформулировать рекомендации, способствующие совершенствованию следственной деятельности (разработка типовых версий по отдельным категориям преступлений, выявление наиболее типичных ситуаций, обобщение и анализ способов совершения преступлений). Главные направления в этом отношении — разработки методики расследования убийств (исследования Л. Г. Видонова) и методики расследования хищений государственного и общественного имущества (фундаментальные исследования Института Прокуратуры СССР, посвященные методике расследования хищений социалистического имущества).

Разработка типовых следственных версий, касающихся уровня общих версий, является результатом обобщения следственной практики и известного прогнозирования возможных ситуаций при совершении преступлений. Здесь речь идет о возможном научном знании, содержащем элемент предвидения.

В литературе проблеме типовых версий и их познавательной роли уделялось большое внимание [6, с. 14; 3, с. 53; 5, с. 16], однако их конкретная разработка касалась ограниченного числа методик расследования отдельных видов преступлений. В наиболее обобщенном виде определение понятия такого рода версий принадлежит Р. С. Белкину, который отмечал, что «под типичной версией понимается наиболее характерное для данной ситуации с точки зрения соответствующей отрасли знания или обобщенной практики судебного исследования (оперативно-розыскной, следственной, судебной, экспертной) предположительное объяснение отдельных фактов или события в целом» [1, с. 296]. В приведенном определении типичность версий распространена автором на многие виды деятельности. Действительно, в каждом из указанных видов мы можем обнаружить те типичные предположения, которые отражают обобщенный опыт практики.

Типичное во всех случаях представляет собой высокую частоту встречаемости признаков, относящихся к выдвигаемому положению. Для того чтобы та или иная версия приобрела значение типичной, она должна отражать в себе не просто имеющие место ситуации, а следовательно, и предположения относитель-

но их существования, но наиболее часто встречающиеся ситуации, основывающиеся на анализе большого числа признаков. Познавательная роль такого рода типичных версий значительна. Они ориентируют следователя (судью, эксперта) относительно возможных направлений путей обнаружения доказательственной информации, установления фактов. На этом не исчерпывается познавательное значение типичных версий, они могут быть источником для выдвижения версий по аналогии либо версий, которые по своему смыслу противоречат типичной. Такое их значение может иметь место при ограниченной информации либо ее отсутствии, ввиду достаточной завуалированности преступления либо отсутствия его явных признаков. Как отмечалось, типичные версии выполняют ориентационную роль в случаях открытой, проблемной следственной ситуации (отсутствие доказательств, неясность механизма события, сложность установления причинных отношений, «загадочность» преступления). Таким образом, познавательное значение типичных версий достаточно велико. Однако укажем, что конструирование типичных версий о самом событии весьма ограничено, более обширно оно для способов совершения преступления.

Рассматривая роль типичных версий для расследования преступления, Р. С. Белкин отмечает их ограниченное познавательное значение, мотивируя это тем, что они, «основываясь на минимальных исходных данных, могут дать только самое общее объяснение события или недостаточное для успешного завершения расследования» [1, с. 296]. Однако указание Р. С. Белкина на то, что типичные версии основываются на минимальных исходных данных, требует корректировки. Если это утверждение верно для версий о сущности события, то оно неприменимо к версиям о способах совершения преступления. Так, анализ данных о способах хищения государственного и общественного имущества свидетельствует, что формирование типичных версий основывается на значительном исходном материале, в частности данных о множестве признаков, приемов осуществления, маскировки и т. п. Соответственно уровню типичных версий и их направленности эти данные в своем формировании в качестве исходного материала объединяют различную по объему информацию, во всех случаях достаточную, чтобы сформулировать типичное.

В этом отношении общность предположения отличается от типичности тем, что последняя предполагает глубокий анализ признаков, позволяющий прийти к выводу об их повторяемости в значительном числе случаев, а следовательно, о некоторых закономерных связях, существующих между исходными материалами и выдвигаемым предположением. Однако, несмотря на широкие потенциальные возможности типичных версий, они не могут заменить конкретную версию, выдвигаемую на основе исходных данных события. Более того, при принятии типичной

версии ее дальнейшее развитие будет солидаризоваться с теми данными, которые будут установлены по делу. Поэтому следователь не должен ограничиваться типичными версиями. Анализ исходного либо обнаруживаемого в ходе расследования материала позволяет дополнить известную типичность данными, конкретизирующими выдвинутое предположение. Это в свою очередь расширяет программу расследования, вытекающую из принятой следственной версии. Выдвижение типичных версий во всех случаях, в том числе и при расследовании хищений государственного и общественного имущества, влечет за собой построение возможных программ расследования во исполнение выдвинутой версии. Такие программы также представляют собой наиболее оптимальную схему расследования, выполняют уже более детальную, но все же ориентационную роль. Предусматривая перечень обстоятельств, подлежащих выяснению, и следственных действий, программы расследования отличаются от перечня мер, которые необходимо принять в случаях обнаружения преступления.

Итак, следственные версии при расследовании хищения государственного и общественного имущества, совершенного должностными лицами, обладают рядом признаков: а) конструируются на основе анализа первичных материалов (данные ревизии, инвентаризации, заявления отдельных лиц, материалы органов БХСС); б) основываются на знании особенностей той отрасли хозяйства, в которой произошло хищение; в) характеризуются сложностью, обусловленной периодом хищения и многоэпизодностью; г) касаются, как правило, значительного числа лиц; д) могут иметь в своей основе типичные версии, развиваемые и дополняемые в период расследования; е) направлены на выявление причин и условий, способствующих совершению хищений, в том числе латентных.

Список литературы: 1. *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики: В 3-х т. — М.: РИО Академии МВД СССР, 1978. — Т. 2. 402 с. 2. *Братковская В. В.* Расследование и предупреждение хищений на предприятиях бытового обслуживания. — М.: Юрид. лит., 1979. — 134 с. 3. *Васильев А. Н.* Следственная тактика. — М.: Юрид. лит., 1976. — 176 с. 4. *Герасимов И. Ф.* Следственные ситуации на первоначальном этапе расследования преступлений. — Соц. законность, 1977, № 7, с. 27—29. 5. *Драпкин Л. Я.* Построение и проверка следственных версий: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972. — 24 с. 6. *Ларин А. М.* От следственной версии к истине. — М.: Юрид. лит., 1976. — 183 с. 7. *Магусовский Г. А.* Расследование хищений в промышленности и сельском хозяйстве. — Харьков, 1979. — 32 с. 8. *Селиванов Н. А.* Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования. — Соц. законность, 1977, № 2, с. 55—59.

Поступила в редколлегию 28.12.82.